

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222391-407>

Исследовательская статья

Петросян Эмма Хачатуровна
д.и.н., старший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии Академии наук, Ереван, Армения
emma.petrosyan.34@mail.ru

МИСТЕРИЯ МУХАРРАМ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В РИСУНКАХ В. ХОДЖАБЕКЯНА И В. ВЕРЕЩАГИНА

Аннотация. Цель статьи – реконструкция мистерии / траурного ритуала Мухаррам в свете визуальной и вербальной антропологии. Ареал исследования охватывает традиции, сложившиеся в XIX в. в среде шиитов Тифлисской, Бакинской губерний и Персии. В работе мы ставим задачу провести сравнительный анализ сложившихся региональных традиций на основе данных этнографии и изобразительного искусства. Записи Мухаррама, опубликованные С. Марр, И. Бертельсом, Е. Березиным, М. Горьким, В. Верещагиным, а также рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина показывают, что версии траурных мистерий *tāziyā* разных регионов взаимно дополняют друг друга. Сравнение вербальных текстов выявило распорядок ритуала – чтение, процессии, бичевание, плачи и театрализованные представления – *tāziyā*. Визуальный текст процессий указывает на национальный состав музыкантов, мизансцен персонажей, участие борцов и акробатов. В ритуале Дня Ашуры мы отмечаем наличие трех исполнительских площадок – крытое помещение, процессия и расположение ее у берега реки. Вербальные и визуальные данные указывают на разные региональные приемы оформления образа Али как льва. Отличительная особенность ритуала Ашуры – большое количество вариантов текстов мистерий *tāziyā*, хотя в основе сюжета лежит оплакивание гибели Хусейна (Шахсей-Вахсей). В статье рассматриваются четыре рисунка армянского художника В. Ходжабекяна, запечатлевшего два момента мистерии Мухаррам в Тифлисе в 1880 г., и три рисунка В. Верещагина, запечатлевших мистирию Мухаррам в Шуши. Сопоставляя рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина с учетом вербальных текстов, мы рассматриваем версии сценария траурной церемонии Мухаррама и делаем вывод об относительной секуляризации в разных странах мистерии в наши дни.

Ключевые слова: Мухаррам; мистерии; процессии; Ходжабекян; Верещагин; вербальные и визуальные тексты; ковчег

Для цитирования: Петросян Э.Х. Мистерия Мухаррам и ее отражение в рисунках В. Ходжабекяна и В. Верещагина // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. No 2. С. 391-407. doi.org/10.32653/CH222391-407

© Петросян Э.Х., 2026

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2026

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH222391-407>

Research paper

Emma Kh. Petrosyan
Dr. Sci., Senior Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia
emma.petrosyan.34@mail.ru

THE MUHARRAM MYSTERY AS REFLECTED IN THE DRAWINGS OF V. KHODJABEKYAN AND V. VERESHCHAGIN

Abstract. This article reconstructs the 19th-century Shiite mourning rituals and passion plays (*ta'ziyeh*) of Muharram through the analytical lenses of visual and verbal anthropology. Geographically focusing on the regional traditions that evolved within the Tiflis and Baku provinces of the Russian Empire as well as Persia, this study utilizes ethnographic accounts and fine arts data to conduct a comparative analysis of these practices. By examining textual descriptions published by S. Marr, I. Bertels, E. Berezina, and M. Gorky alongside sketches and paintings by V. Vereshchagin and V. Khodjabekyan, the authors demonstrate how disparate regional variations of the Muharram mysteries complement one another. Textual analysis decodes the structured ritual itinerary, mapping out chronological stages such as elegiac readings, mourning processions, flagellation rituals, lamentations, and formal *ta'ziyeh* theatrical performances. Concurrently, the visual documentation captures the multi-ethnic composition of the participating musicians, complex character mise-en-scènes, and the unexpected integration of wrestlers and acrobats into public processions. The study identifies three primary performative topographies utilized during the Ashura rituals: enclosed spaces, mobile street processions, and ritualized spaces along riverbanks. Furthermore, both verbal and visual data reveal distinct regional iconographic techniques used to represent the Imam Ali as a symbolic lion. A defining characteristic of these Ashura rituals is the vast proliferation of variant *ta'ziyeh* scripts, all bound by the foundational narrative commemorating the martyrdom of Imam Hussein (Shahsei-Vahsei). Specifically, this article analyzes four drawings by the Armenian artist V. Khodjabekyan documenting two distinct moments of the Muharram mystery in Tiflis (1880), alongside three works by V. Vereshchagin capturing the rituals in Shusha. Correlating these visual datasets with contemporary written narratives allows the authors to reconstruct historical performance scenarios, ultimately offering conclusions regarding the trajectory of secularization within these traditional religious mysteries in the modern era.

Keywords: Muharram; mysteries; processions; Khodjabekyan; Vereshchagin; verbal and visual texts; ark

For citation: Petrosyan E.Kh. Mystery of Mukharram and its reflection in pictures of V. Khodzhabekyan and V. Vereshchagin. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. N. 2. P. 391-407. doi.org/10.32653/CH222391-407

© Petrosyan E.Kh., 2026

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2026

Введение

В Тбилиси у Нижне-Майданского моста, недалеко от бывшего Шейтан-базара, Майдана и минеральных бань, была расположена Большая шиитская Джума-мечеть с минаретом. Там ежегодно в месяце мухаррам шииты отмечали мистерию Мухаррам в память о мученической смерти святых имама Али и его сыновей Хасана и Хусейна, убитых в бою при Кербеле. Как утверждали многие жители Тбилиси, она называлась Шахсей-Вахсей, хотя это был скорбный возглас, в котором слились слова: «Шах(ид) Хасан, вах Хусейн!». Траурные церемонии в первые 10 дней месяца мухаррам состояли из чтений религиозных текстов и поминальных ритуалов / мистерий о событиях VII в. из жизни халифа Али и Хусейна¹. Они продолжались уже менее напряженно до конца следующего месяца сафар.

До нас дошло 6 карандашных рисунков армянского художника Вано Ходжабеяна мистерии Мухаррам в Тифлисе, запечатлевших траурную процессию и театрализованное шествие в День Ашуры.

В Армянском музее Москвы и культуры наций в виртуальной экспозиции опубликован большой рисунок В.В. Верещагина «Религиозная процессия на празднике² Мухаррам в Шуше»³. В то же время в книге В.В. Верещагина «Очерки, наброски, воспоминания» в разделе «Из путешествия по Закавказскому краю» описан Мухаррам в Шуши и помещено 3 карандашных рисунка: «Персиянин», «Режущийся (Добровольный мученик)» и «Молодой имам, убитый»⁴. Он приводит описание поминального ритуала, по которому можно характеризовать местный вариант мистерии. На материале данных Тифлисской, Бакинской губерний и Персии прослеживаются местные версии ритуала и мистерий. Карандашные рисунки Вано Ходжабеяна и Василия Верещагина Мухаррама в XIX в. в Закавказье являются ценными визуальными и вербальными документами для этнографов и искусствоведов.

Историческая версия мистерии Мухаррам

Все, кто публиковали мистерию Мухаррам, приводят историческую основу траурного ритуала, без которого трудно понять содержание мистерий и функции персонажей в многочисленных и многочисленных процессиях. Мы кратко продолжим эту традицию.

В основе ритуально-мифологического представления шиитов – обряда оплакивания и траура, справлявшегося с 1 по 10 число месяца мухаррам, лежат следующие события в Персии. Со смертью пророка Мухаммеда в общине началась борьба за должность халифа. После ряда смены правлений и убийств в среде мусульман произошёл политический и религиозный раскол, и сформировались две партии: шииты и сунниты. Шииты – это те, кто после смерти Мухаммеда считали его двоюродного брата Али единственным наследником. В 656 г. халифом был провозглашён Али, но в 660/661 г. он был убит. Похоронили его в Неджефе, который с того времени стал культовым центром шиитов.

Сыновья Али (внуки Мухаммеда) Хасан и Хусейн продолжили борьбу за власть, которую захватил один из представителей враждующей династии Омейядов. Старший сын Хасан отрёкся от власти и, по преданию, был отравлен в 669 г. Младший сын продолжал борьбу за престол. По зову жителей, Хусейн с отрядом направился в Эль-Куфу принимать власть. Но его лагерь у местечка Кербела окружила армия правящего тогда халифа Язида. В битве войско Хусейна было разбито, а он в 680 г. на десятый день мухаррама – Ашуру был убит.

Хусейна похоронили в Кербеле. Позднее над могилой возвели мечеть, а с официальным введением шиизма в XVI в. в Иране в качестве государственной религии, день его гибели стал днём национально-го траура. Исторические события в соответствии с фольклорным жанром постепенно стали преданием,

1 Сведения об оплакивании шиитских святых восходят к VII–VIII вв., к арабским хроникам [1, с. 313].

2 В месяц мухаррам в День Ашуры и предшествующие 9 дней проводят траурные мероприятия (поминальная мистерия). Они не могут быть названы «Праздником». Это ошибочная оценка. В современной литературе используют термин мистерия.

3 *Апресян А.Р.* Шуша. На перекрестке цивилизаций, 2016, 14 февраля. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.artmuseum.ru/news-blog/2016/2/14/-vasilii-vereshagin-na-kavkaze>

4 Лебедев А.К. составил «Перечень произведений В.В. Верещагина, хранящихся в музеях СССР», где упоминается «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. [2, рис. 2]. Место хранения картины – Государственная Третьяковская Галерея. Согласно перечню, в интернете представлены работы В. Верещагина, но ни одна из работ, рассматриваемая в нашей статье не упоминается. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_картин_Василия_Верещагина

обросли новыми сюжетами, которые легли в основу многодневных религиозных церемоний и театрально-зрелищных мистерий – *tāziyā*⁵.

Литературные источники о мистерии Мухаррам

О ритуалах на Мухаррам в разных странах Востока и Европы имеется довольно много публикаций. Наиболее ранние сведения об обряде оплакивания шиитских святых, как мы приводили выше, относятся к VII–VIII вв. Упоминания и записи европейских путешественников известны с XV в. вплоть до наших дней.

Шиитский Иран – классическая страна, где широко отмечали Мухаррам. Приведем подробное описание турецкого дипломата Эвлия Челеби, который проживал в Тебризе с 1646 по 1648 гг. «Каждый год десятого числа месяца мухаррама /256/ аяны и эшрафы, высокопоставленные и низкие собираются и располагаются на площади Чоган со своими палатками и шатрами и три дня и три ночи ведут между собою сокровенные беседы в память душ шехидов, павших на равнине Кербела – варят 100000 котлов ашур и раздают ее и богатым, и бедным. Они это считают поминками по шехидам Кербелы. На той же площади присутствующим раздают сладкий шербет, из бурдюков наливают воду в пиалы, повторяя: «Возлюбим Хусейна из Кербелы!». Все заливаются плачем, поворачиваясь то в ту, то в другую сторону. Раздача воды и еды считается поминальной пищей. Поэтому многие высокопоставленные люди, взвалив на плечо бурдюки, тоже разносят воду в память Кербелы и Хусейна.

На площади хан устанавливает разукрашенный шатер и навес, и вся знать Тебриза собирается там. Весь день читают молитвы в память убитого Хусейна. Когда произносятся слова: «Проклятый Шимр убил бедного хазрата имама Хусейна», из-за занавеса выносят к месту собрания белоснежный муляж, [изображающий] его голову и тело... «Аллах велик!» – исторгается мощный крик. Там же собираются мужчины, которые решили пролить кровь во имя любви к Хусейну. Они острыми кинжалами наносят себе раны на груди и на руках и пускают кровь в память Хасана и Хусейна. Затем муляж имама Хусейна с площади убирают, и с тысячами молитв завершается ритуал, [воссоздающий] убийство Хусейна. Ашур продолжается три дня и три ночи и сопровождается задушевными беседами и трапезами» [3, с. 99].

Будучи очевидцами Мухаррама в Исфагане и Тегеране в 1925–1926 гг., супруги Ю.Н. Марр⁶ и С.М. Марр описали и проанализировали поминальные церемонии. С.М. Марр также привела данные многих писателей, этнографов и историков о ритуале [1, с. 313–361].

А. Крымский опубликовал обширную библиографию описаний Мухаррама на Кавказе⁷. «Наши закавказские шииты (в Шуше, Шемахе, Кубе, Эривани, Дербенте и пр.) отличаются большим фанатизмом в праздновании Мухаррама⁸, чем жители самой Персии, и потому набожные персы приезжают на эти дни из Ирана в Закавказье. Днем разыгрываются мистерии, ночью ходят процессии с факелами: участвующие в них неистово воют, потрясают оружием, бьют себя кулаками в грудь и кинжалами в голову, которую предварительно обривают»⁹.

Назовём несколько авторов, которые упоминают поминальную мистерию Мухаррам в Закавказье. Таковы рассказы о Шахсей-Вахсее А.М. Горького и К.Н. Смирнова, путевые заметки Н. Истомина, Р. Халилова, И. Евлахова, очерк и рисунки художника В. Верещагина и др. Краткое описание Мухаррама приводят Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волкова [4, с. 237–237].

По Т.А. Путинцевой, мистерии – *tāziyā* – имеют три цикла: первый – битва при Кербеле, женитьба Али на дочери Мухаммеда Фатиме; второй – детство Хусейна и предсказание о его насильственной гибели; третий – Кербела после битвы [5, с. 43].

5 Написание персидских терминов приводим в транскрипции С. Марр.

6 Георгий (Юрий) Николаевич Марр – сын выдающегося ученого Н.Я. Марра.

7 Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm> Ад. Берже, «О народных праздниках шиитов» («Кавк. Календ.» на 1856 г.); Н. М. (Асальский), «Письма русского из Персии» (СПб., 1884, т. I); «Из записок старожила» («Кавк.», 1852, № 69); И. Евлахов, «Имам Гуссейн» («Кавк.», 1857, №№ 74 и 75); Севрюгин, «Имамы Хасан и Гуссейн» («Кавк.», 1861, № 19); Н. Истомин, «Путевые записки» («Кавк.», 1861, №№ 41 и 42); статья о М. в Шуше, в «Русском Вестн.» (1866, т. 65); Н. Дубровин, «История войны на Кавказе» (СПб., 1871, т. I, кн. II, стр. 334 – 345); «Описание путешествия Ф. Котова в Персидское царство, 1623–24» (в XV кн. «Временника»).

8 См. комментарий № 2.

9 Крымский А. Мохаррам. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm>

По Е.Э. Бертельсу, сюжетом *tāziyē* могло стать все, что относилось к истории Али и его дома. Он приводит содержание некоторых пьес-мистерий, а также перечисляет заголовки *tāziyē* из большого рукописного сборника Парижской Национальной Библиотеки [6, с. 25–29, 37–61]. Подробное описание Мухаррама, будучи в Табризе и Тегеране, приводит И. Березин [7, с. 297–347].

Понять рисунки В. Ходжабекяна и В. Верещагина нам поможет подробное описание С.М Марр традиционного распорядка Мухаррама [1, с. 321–334]. Первые девять дней состоят из собраний с чтением молитв, в беседах, поста и рассказами о жизни Али и его сыновей – роузехани. Их организуют во дворах мечетей, медресе, в палатках и на дому. Они сопровождаются скорбными возгласами и плачами. Одновременно начинают ходить по городу траурные процессии – *дāсте*.

Основные события обряда приурочены к вечеру девятого числа мухаррама, когда начинается подготовка к мистериям о страданиях и смерти Хусейна – *tāziyē-йе шāби*. Обычно их устраивает частное лицо, например, богатый купец за свой счет. Десятый день – Ашура – день гибели Хусейна, когда совершается кровавый обряд *гāмезани* – сечение головы мечем или топором [1, с. 321].

В первой половине XX в. *дāсте* были трёх типов – поющие и бьющие себя камнями по обнаженной груди – *грудобойцы*; бьющие себя по спине цепями – *цепебойцы* и бьющие себя плашмя по голове острием саблями или мечами. Последние держались друг за друга за пояс, составляли круг или полукруги, ритмично двигаясь в траурном танце. В их составе были также музыканты и знаменосцы. Порой процессии сопровождалась плясками с прыжками и вращениями. В шествиях принимало участие большинство населения города или села.

Рисунки процессий на Мухаррам художника Вано Ходжабекяна

Тифлис истари был толерантным городом с многонациональным населением. К 90-м годам XIX в. здесь сложились четыре крупные конфессиональные общины: православная, армяно-григорианская, католическая и мусульманская. Конфессиональные общины отмечали праздники не только в своих культовых центрах, но и на улицах. Обычно это были театрализованные процессии с музыкантами, танцорами и ряжеными Празднества сопровождались состязаниями борцов, представлениями канатоходцев, шутов, завершались перемирием соперников и совместной трапезой.

Художника-самоучку конца XIX – нач. XX в. Вано Ходжабекяна можно назвать летописцем старого Тифлиса. Он оставил потомкам в художественных сценках неоценимое этно-иконографическое наследие. Считается, что сохранилось 250 карандашных рисунков, хотя их больше, поскольку Ходжабекян часто их дарил. Тема рисунков разнообразна, но большинство из них передают быт и праздники многонационального города. Это свадебный и похоронный циклы, состязания, пиршества, портреты-композиции горожан, празднование Масленицы-Кейноба в армянских и грузинских кварталах, которые значительно отличались от шиитских обрядов [8, рис. 1].

Из рассматриваемых в статье четырех рисунков В. Ходжабекяна мистерии Мухаррам шиитского населения Тифлиса два находятся в собрании Национальной галереи Армении в Ереване. Это варианты одного и того же рисунка, которые автор каталога В. Бадалян назвала Шахсей-Вахсей. На них изображена процессия – *дāсте* [9, №30, №31, рис. 2, 3]. Другие два рисунка хранятся в Тбилиси в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни) в папке № 45 [10, №144, №162, рис. 4, 5]. Из четырех рисунков только один имеет подпись «Персидский праздник Байрам. Тифлис, 1880»¹⁰. В каталоге М.А. Айвазян и др. [10] указаны 3 рисунка, но я в 1986 г. в Тбилиси в папке № 45, озаглавленной Вано Ходжабеков, видела еще одну¹¹. В ней собраны все имеющиеся в собрании музея рисунки художника, но без инвентарных номеров и без комментариев¹².

Рассмотрим карандашные рисунки, на которых изображены варианты *дāсте* в первые девять дней Мухаррама. На всех трех рисунках постоянные персонажи: городские музыканты, борец-пехливан,

10 Подпись на рисунке на русском языке: «Персидский праздник Байрам, Тифлис, 1880 г.» сделана не Ходжабекяном. В мусульманском календаре термин байрам встречается в сочетании Новруз байрам, Ураза байрам и Курбан байрам, но не с Мухаррамом. Не исключено, что дата 1880 г. поставлена кем-то из владельцев рисунка, который был очевидцем, но не мусульманином [10, № 144].

11 Итого, сохранилось 6 рисунков мистерии Мухаррам. С согласия администрации Музея мной в 1986 г. были заказаны фотографу музея А. Мамулову копии рисунков.

12 Это замечание относится к 1986 году. Современное состояние содержания папки мне не известно

знаменосец и участники процессии. Впереди *дӑсте* – традиционное трио восточных музыкантов: барабанщик и два музыканта [9, №31, рис. 2]. Возглавляет процессию барабанщик (*дохлчи*). За ним следуют музыканты на духовых инструментах – зурне, как бы поддерживая ритм. Это, вероятно, ремесленники из гильдии музыкантов в неприметной одежде с ткаными поясами и в головных уборах типа картуз.

Вариант вышеприведенного рисунка представлен на другом рисунке [9, №30, рис. 3]. Отличия в следующем: игрок на зурне справа, как принято, исполняет основную мелодию. Он изображён во властной осанке, с зурной, направленной вперёд для усиления звучания и впечатления на окружающих. А музыкант слева, партия которого поддерживать основной тон (вторя), наклонил зурну, как бы подчёркивая свое подчинённое положение. Этим Ходжабекян указал на статус всех трех музыкантов.

На рисунке изображен второй вариант национальной городской одежды. Музыканты в черкеске с серебряным поясом и в дорогой войлочной конусообразной шапке. Видимо, последние были более высокооплачиваемыми. По национальному составу трио можно заключить, что отношение музыкантов-христиан с мусульманами в процессии довольно толерантные.

За музыкантами, приплясывая, движется борец-жонглёр (пехливан) с обнажённым торсом, в коротких штанах на босу ногу. В руках у него по тяжёлой деревянной палице вроде кеглей. Борец, высоко поднял их над головой, размахивает то одной, то другой, разводит руки в стороны, откидывается назад. Видимо, он также крутил и подбрасывал булавы. Конечно, многое зависело от его мастерства¹³. Во всех случаях, пехливан – самая колоритная и талантливо выписанная художником фигура.

В Тифлисе по разному поводу выступали фокусники, канатоходцы и танцоры. Приведем названия нескольких рисунков В. Ходжабекяна, которые подписаны: «Кулачный бой», «Кавказская борьба», «Канатный плясун», «Праздник в Мцхета», «Шушамбари», «Новогодний праздник в Тифлисе», «Кейноба» и др.

В Тегеране в 1842 и в 1843 годах в первые десять дней месяца мухаррам и вплоть до конца следующего месяца сафар участвовали борцы, канатоходцы, акробаты на ходулях, жонглеры, играющие дрекольями и фокусники [7, с. 302–306].

Вернемся к рисункам процессий: за борцом-жонглёром изображен знаменосец – *сейиз-мухаррами* с траурным ритуальным флагом. На одном рисунке на навершии знамени – полумесяц, на двух других – шарик с копьём.

За знаменосцем рядами следуют идущие друг за другом старцы. В двух вариантах рисунка они шествуют с чувством собственного достоинства, а в другом – склонились в горе. Создаётся впечатление, что Ходжабекян хотел передать участников разных сословий и разное психологическое отношение к трагическому фону события: сгорбленные бедняки в одной картине и напыщенные богачи – в двух других.

Все участники *дӑсте* в скромной одежде, в высоких шапках-колпаках. То, что у большинства руки в карманах, указывает на их непричастность к самоистязанию. Возможно, это представители одного из цехов города, которые движутся к базарной площади к месту сбора бичующихся.

В. Ходжабекян подчеркнул сословную и национальную разницу участников процессии. Музыканты в мягких кожаных сапожках, какие носили горожане среднего сословия – *кинто*¹⁴. Властной осанкой первого мужчины в процессии художник подчеркнул его социальный статус. Обратим внимание на обувь – это закрытые туфли *гиве*, в то время как остальные персонажи в простых туфлях без задника – *кафи*.

Художник запечатлел траурную театрализованную процессию, напоминающую *тазийэ* по составу персонажей [10, № 162, рис. 5]. Она имеет определенный сюжет, который разыгрывался на десятый день мухаррама – Ашура как мистерия «Страсти по Хусейну».

Ритуал Ашуры имеет обширную библиографию. Мы, в основном, пользуемся описаниями С. Марр, И. Березина, Е. Бертельса, М. Горького и Верещагина с целью реконструкции сюжета *тазийэ*, разыгрываемого по ходу процессии, имевшей место, видимо, в 80-ые годы в Тифлисе.

Карандашный рисунок Ходжабекяна хотя невелик (21*34 см.), но талантливо и красочно, в динамике передаёт одну из центральных сцен ритуала – процессию с бутафорским львом на носилках. Слева и справа большое количество зрителей. Часть из них расположилась на балконах верхних этажей

13 Описание выступления в Нухи борца с палицей опубликовано в газете «Кавказ», 1846, №12, в статье «Увеселение татар» без подписи.

14 Ныне такие сапоги надевают танцоры при исполнении грузинских и северокавказских танцев.

зданий. По улице движется многолюдная процессия построившихся в ряд полукругом и плотно обнявшихся за талию мужчин. Поскольку они одеты и обуты, то это не рубящиеся.

Процессию возглавляет знаменосец с траурным флагом. Основная особенность процессии – большое количество знамен. Они четырехугольные, без бахромы и треугольные, без каких-либо изображений на них. Знамена отличаются навершиями: полумесяц или раскрытая ладонь – *pāndže* (пятерня, отрубленная рука Али). Древко знамен длинные и видны издалика.

Знамя в ритуале Ашуры, как вообще знамена в традиции многих народов, связываются с символической мировой дерева, как медиатора между небом и землей, а также ритуального столба, «чтобы небо не упало на землю». Роль знамени в период, когда рушилось космическое равновесие в связи с гибелью героя средней зоны – в данном случае обожествленного Али, было особенно важным, так как нужно было предотвратить хаос.

За знаменосцем слева и справа, открывая дорогу лошади, идут музыканты. Это не тифлисское приглашенное трио, а персы, бьющие в большой барабан и металлические тарелки. Ритмо-шумовое сопровождение руководит скоростью движения *dāste*, а печально склоненная голова барабанщика с высоко поднятой колотушкой как бы передает последующий гулкой траурный звук инструмента.

В центре процессии – белая лошадь Хусейна Зольджанах, покрытая темной попоной. К её крупу привязаны два голубя. По шиитскому народному толкованию, голуби купают свои головы в крови Хусейна. Им также приписывается роль охраняющих труп Хусейна от насекомых [1, с. 347]. Слева и справа от коня – босоногие плакальщики (мужчины в шароварах) в накиннутых на головы длинных темных покрывалах. Они в скорби протянули руки к Зольджанах и к бутафорскому льву. Коня ведёт важная персона, опоясанная явно дорогим шерстяным поясом с ковровым орнаментом.

В процессии высоко с постаментом на носилках несут плакальщика-«льва». Он есть сам Али или Али-Хейдар (Лев). В *tāziyā* «Мученичество Хурра ибн-Язида» Аббас, брат Хусейна, называет его «Львом Господним» [5, с. 51]. Али-Хейдар в скорбной позе склонился над маленькой куклой, которую держит на руках. По всей вероятности, он оплакивает сына Хусейна.

О ряжении во льва на Мухаррам упоминает также С.М. Марр: «В Исфагане мы наблюдали появление «льва» в *dāste*, которое представляло победоносное шествие Шимра. «Лев» ехал на извозчике» [1, с. 346]. Е.Э. Бертельс тоже видел в Персии, как «на огромных носилках несли очень грубо сделанное чучело льва, у ног которого лежали груды мелко нарубленной соломы. В чучеле сидел маленький мальчишка и приводил его в движение: время от времени «лев» неуклюжим движением загребал горсть соломенной резки и сыпал ее себе на голову¹⁵ [6, с. 34].

Еще один обычай ряжения в ритуале Мохаррама – изготовление чучела Омара – соломенного человека с луком и стрелами – убийцы Али, Хусейна и его приближенных. Чучело сажали на осла, процессией водили по городу, проклинали, оскорбляли, побивали камнями, грязью и в конце концов поджигали и бросали в воду [1, с. 349, 363].

Обряд, называвшийся *Оумар (Омар) кушшон*, персы справляли вплоть до 1979 г. Полевой материал записан М.А. Арефом. Жители села Хосровбейг изготавливали чучело человечка, называя его Оумар, насаживали на шест, носили по селу, прислоняли к стене домов. За неделю до месяца *раби ул-аввал* чучело ставили у умывальника или на крышу. В день обряда его спускали, проклиная поджигали, и развевали пепел по ветру. В некоторых селах был обычай сохранять старое покрывало осла, чтобы сжечь его во время обряда вместо чучела Омара. Иногда жгли старую одежду, веник и всякое тряпье [11, с. 8].

Вернемся к Вану Ходжабекяну. На рисунке в процессии конные и пешие. Справа на коне – враги Хусейна – предводитель войска Езидов халиф Ибн-Саад и надменный Шимр, убийца Хусейна. Шимр высоко поднял руку, указывая на Хусейна и как бы выкрикивая: «Йа сайид-е шуһадо!» (О, глава мучеников!) [7, с. 307; 1, с. 333].

Художник передает кульминационный момент мистерии на Ашура – траурную процессию и оплакивание Хусейна. Таково документально-визуальное отображение мистерии, разыгрывавшейся на Майдане у Джума-мечети в 80-ые годы XIX в. в Тифлисе.

Мухаррам или, как в Тифлисе называли, Шахсей-Вахсей, видел в 1898 г. писатель Максим Горький. Перескажем его описание, которое показывает, что бытовал также другой вариант ритуала.

15 В похоронном обряде армян посыпание головы землей (равносильно соломе) означает выражение горя.

Сбор участников процессии – персов, татар, айсоров, вооруженных кинжалами, начинался за околотком Авлабара. Несколько дней они там бились, рубились, кричали, плакали. В день Ашуры вечером, минуя жилые кварталы, с пением, шумом и воем, с факелами и знаменами в руках, процессия шиитов спускалась в город. Они переходили мост, миновали Джума-мечеть и в большом тенистом саду у берега Куры начинали церемонию с пения зауспокойных гимнов, которые прерывались возгласами в честь Али и Хусейна. Потом снова продолжались бичевания, удары шашек по голове.

Кончив петь и истязаться, все строились по четверо в ряд в длинную, змеевидную группу и образовали в середине её широкий интервал. Через несколько минут из дома, скрытого среди зелени сада, выходили восемь бородатых персов. Они несли красивые бархатные носилки с четырехскатной крышей и открытыми стенками. В носилках сидела маленькая девочка, окутанная в белое покрывало с закованными цепями руками. Она изображала пленную Айшу, жену Мухаммеда, которая должна была плакать, но она смеялась.

Готовился триумф Али. Он появлялся на коне, одетый во все красное, с кривой саблей, в блестящем шлеме, с опущенным забралом, так как нельзя смертному видеть лица Али. Его встречали ликующим воем: «Али-и-и!».

Али становился перед носилками своей пленницы, и процессия со знаменем двигалась в то место, где в течение трёх дней бились и будут долго пировать¹⁶. Так завершался Мухаррам в Тифлисе, где героем дня был не Хусейн, а Али.

В Исфагане был несколько иной конец, в котором участвовали персонажи, известные по рисунку Ходжабеяна. Воины Шимра убивали Аббаса. «Появлялся Хусейн с мечом и разгонял всех, а затем, держа меч, обращался к публике: «Роузе кончилось, уходите» [1, с. 338].

Итак, в карандашных рисунках, выполненных на небольших листках бумаги, художник Вано Ходжабеян документально отразил два момента мистерии Мухаррам, что подтверждается вышеприведенными нами параллелями из реальных шиитских ритуалов в Персии. Ценность визуального материала в том, что зафиксированы мизансцены процессий, пол и возраст участников, национальная одежда, музыкальные инструменты, бутафория, сакральные предметы, общий траурный настрой мистерии, который должен был преобладать во все дни мухаррама.

Визуальное и вербальное описание Мухаррама В.В. Верещагиным

Выдающийся русский художник В.В. Верещагин, путешествуя по разным странам, создал большое количество картин, имеющих наряду с художественным мастерством, документальную и визуальную ценность. В 1863 г. он посетил Тифлис. В следующем году он едет в Париж и поступает в школу французского художника Жана-Леона-Жерома. В поездке в 1864 г. в Закавказье он сделал этнографические зарисовки быта армян и татар.

А в 1865 г. Верещагин совершает вторую поездку по Закавказью, где проводит около двух месяцев. Результатом этого путешествия стало большое количество рисунков, дневниковые записи, в которых он подробно описал обычаи и быт народов, населяющих Закавказье. В том же году он едет в Шуши, чтобы увидеть, как справляют мистирию Мухаррам. Возвратившись в Париж, художник, на основе своих кавказских зарисовок и наблюдений, создаёт в 1866 г. прекрасную, необыкновенно тонкую и изумительную работу «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. [2, рис. 2]. В 1883 г. Верещагин издаёт «Очерки, наброски, воспоминания», в которой публикует впечатления о поездке в Закавказье и рисунки в разделе «Религиозное празднество мусульман-шиитов» [12, с. 119–125].

Для этнографа бесценно подробное описание В. Верещагиным поминального ритуала Мухаррам в Шуши. Свои впечатления Верещагин начинает со строк: «Въезжая в город вечером, я увидел огромное зарево. Вся площадь была запружена народом, шумящим, беснующимся и просто глазающим. В руках людей были нефтяные факелы. Партиями в сто человек, вытянувшимися в линию, татары бешено прыгали по площади с дикими возгласами. Каждый держался за кушак своего соседа, а в правой

¹⁶ Горький М. Праздник шиитов // Нижегородский листок, 1898. 28 июня. С. 2; 5 июля. С. 2. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <http://nnov.ngounb.ru/node/19921>

держал высоко над головою толстую палку, которую с каждым прыжком потрясал. Таких партий было три. Впереди процессии шли мальчишки, наряжённые в тряпье и вывороченные шкуры. Они скакали, кривлялись и били в турецкие барабаны и медные тарелки под общий такт криков и пляски» [12, с. 120]. В процессии также участвовали акробаты на ходулях. Муллы-распорядители поощряли словами и жестами прыгающих, бранились, а главный распорядитель, скакал взад и вперед в толпе, размахивая шашкою, и ругался.

Основной ритуал продолжался 10 дней, но Верещагин, видимо, прибыл в Шуши в последний день – на Ашуру. В то же время он упоминает, что «в продолжение девяти дней татары ходят процессиями по городу, поют разные жалобные гимны и бьют себя в грудь под такт общего напева, а к вечеру сходятся на площади партии прыгающих и беснуются до поздней ночи» [12, с. 121].

*Распорядок представления мистерии *täziyë**

Согласно установившейся традиции, *täziyë* должны были разыгрываться в последний День Ашуры, но для облегчения актеров и зрителей, представление давалось отдельными сюжетами в продолжении девяти дней и, особенно торжественно, на десятый день.

В. Верещагин, С. Марр и И. Березин отмечали, что обычно представления давались последовательно на трех площадках: в крытом помещении или во дворе; по ходу театрализованной процессии от площади и далее за городом, желательно у реки, которая символизировала Евфрат, где произошла битва двух родов.

В центре помещения или во дворе, битком заполненном зрителями, сооружали открытый со всех сторон невысокий помост. Кулисами служило пространство под помостом или сбоку помоста. Главный распорядитель представлений выполнял роль режиссера – рассаживал актеров полукругом на «сцене». Он же заведовал костюмами. Актеры держали в руках маленькую тетрадку, по которой читали свою роль. Все женские роли исполнялись мужчинами, закутанными в платки и шали до самых глаз [12, с. 121; 6, с. 2–22; 1, с. 335].

Приведём последовательность сцен мистерии в Тегеране в 1843 г., на которой присутствовал И. Березин. По ходу разворачивающегося сюжета помост окружали грудебойцы *синезән*-ы. Солист пел, а после каждого напева хор *синезән*-ов неистово бил себя в грудь и кричал: «Вай Хусейн, вай Хусейн!». После появлялись бьющие себя камнями *сәнгзән*-ы. Один из *замбукчи*, верблюжий погонщик, поднимался на помост и начинал петь. Остальные перепрыгивали с ноги на ногу, кружились, били себя камнями по голове, груди, бедрам и пели. После них появлялись играющие позолоченными дрекольями, которые через затылок катали их по рукам. Последними приходили фокусники *хоккабаз*-ы. Тем всё и кончалось [7, с. 303–306].

Вернёмся к записям В. Верещагина. После представления на площади *täziyë* участники процессии шли за город. Туда же заранее стекались зрители, которые рассаживались на лугу в круг в ожидании приближающейся процессии. Режущиеся усаживались впереди других, по внутренней линии круга, за ними остальной народ, позади всех конные. Начиналось последнее действие кровавой драмы, когда-то разыгранной на берегах Евфрата, и с ним плач и вопли зрителей [12, с. 122]. В. Верещагин не упоминает, была ли река у луга символом Евфрата или нет, но в Тифлисе участники собирались в саду у Куры.

Приведём кратко описание Верещагиным процессии, движущейся от площади к лугу, охарактеризуем их поведение и сравним с функциями персонажей на картине «Религиозная процессия мусульман в Шуше» и двумя рисунками, опубликованными в его книге.

«Протяжные крики «Гусейн! Гусейн!» дали знать о приближении процессии, которая вскоре и показалась. Впереди тихо двигались режущиеся: несколько сот человек шли в две шеренги, держась левою рукою один за другого; в правой у каждого по шашке, обращенной острием к лицу. Кожа на головах была иссечена, и кровь лилась из ран ручьями. В общей шеренге в голове шествия шли малолетние режущиеся тоже с залитой кровью простынями. Между рядами режущихся шли главные герои дня, желающие уподобиться своими страданиями Хусейну – полунагие фанатики, израненные воткнутыми в тело разными острыми предметами» [12, с. 123].

На рисунке «Процессия религиозных фанатиков в Шуше» на Мухаррам 1866 г. мизансцена процессии *дәсте* иная, чем в описании Верещагина и на рисунке Ходжабекияна [рис. 6]. Впереди процессии, а не между рядами, идут полунагие рубящиеся фанатики – двое мужчин и мальчик, обреченно опустивший голову. По замыслу Верещагина, добровольные мученики должны были быть видны для зрителей картины. Рубящиеся мужчины в шароварах, босые, с обнаженным торсом. Они уже прошли тяжелую стадию всевозможных самоистязаний на площади. В остальном, изображенные на рисунке мужчины и их описание Верещагиным соответствуют друг другу. В руках у режущих орудие истязания – шашки. К груди и к спине привязаны по два кинжала, на которые накинута медная цепочка или железные цепи. Кожа на голове, лоб и скулы до ушей проткнуты тонкими деревянными палочками и замочками. Такие же замочки и небольшие складные зеркальца нанизаны проволочными крючками по рукам, на груди и на животе. Всюду по телу натканы железные и деревянные, длинные и короткие палочки.

Рисунок одного из рубящихся художник отдельно поместил в книге, озаглавив «Режущийся (Добровольный мученик)» [12, с. 123, рис. 7]. Это мужчина с выбритой головой и обнаженной грудью. Он также, как и мужчины в процессии, держит шашку в правой руке вертикально. К груди и к спине привязаны кинжалы. Все тело утыкано сакральными предметами, как на рисунке у участников, идущих во главе процессии. Визуальная и документальная идентичность персонажей позволяет представить, как в реальности совершался ритуал истязания в Шуши.

Следующий ряд участников представлен на картине девятью режущимися. Они в длинных белых одеяниях. Как объясняет Верещагин, это простыни, которые обвязывают вокруг шеи, чтобы кровь не проникала на платье. Все изображены с высоко поднятой правой рукой с шашкой, типичной для режущихся. На выбритых головах следы от ран, а простыни залиты кровью: они уже совершили обряд сечения головы.

Верещагин отразил традиционную ритуальную мизансцену: на площади много зрителей и участников, давших обет истязания. Справа несколько мужчин в распахнутой верхней одежде и правой рукой на груди. Согласно ритуалу, они должны ударять себя в грудь, в такт общего крика, передавая причастность к страданию Хусейна. Это гудебийцы-*синезан*-ы, но не полуобнаженные, как в Иране.

Справа в толпе всадники, в центре композиции молла и сопричастные к процессии. Обязательный символ ритуала – множество траурных знамен. Некоторые всадники, видимо, наводят порядок в толпе, а другие символизируют воинство, как и знаменосцы, изображенные Ходжабекияном.

Ещё один рисунок сравним с описанием Верещагина. Он помещен в тексте книги за подписью: «Молодой имам, убитый» [12, с. 123, рис. 8]. На рисунке рядом с четырехугольной остроконечной палаткой, на матрасе на спине лежит явно мертвый юноша, накрытый шалью и прикрепленными к ней сакральными предметами. Кто он?

Верещагин, будучи очевидцем, писал, что в процессии на носилках несли четырехугольный остроконечный ковчежец. Поперек носилок лежал человек в богатом платье – убитый молодой имам. Толпы народа поддерживали носилки, каждый считал за счастье прикоснуться к ним. Стоны и вопли поднимались такие, что заглушали и прерывали ход действия [12, с. 121, 124].

Перескажем текст того же сюжета представления *tāziyā*, на которую в Табризе в 1843 г. был приглашен И. Березин и подробно описал ее. Племянник Хусейна Касим уговорил дядю отпустить его на битву с Езидом. Но мать Касима, чтобы удержать сына, решила его женить. Дочь Хусейна Зейнаб нашла для него невесту Фатиму и перед тем как отправить Касима на верную смерть, сыграли свадьбу. Участники процессии несли приданое и угощения. Свадьба с музыкантами была похожа на траурную процессию. Все оплакивали Касима. Сам Касим с невестой тоже рыдал. Представление заканчивалось тем, что Хусейн в отчаянии закрывал черным занавесом брачный балдахин, в котором сидела одинокая Фатима [7, с. 320–324].

Рассмотрим, что несли на носилках в разных странах.

С. Марр поясняет, что на носилках несут труп Касима, племянника Хусейна – куклу в светлосером *габа* (род кафтана); головы нет, торчит окровавленный обрубок. Касим был убит в брачную ночь. Согласно С. Марр, в Иране каждый квартал в своем *дәсте* нес свое знамя, свой ковчег, труп, пронизанный стрелами, все это было покрыто голубой кисеей [1, с. 333, 345].

М. Горький упоминал, что в Тифлисе несли красивые бархатные носилки с четырехскатной крышей с открытыми стенками и сидящей в нем пленницей.

В Шуши несли еще одни носилки – с имамом Хусейном: чучело без головы, в богатом платье; на месте шеи были вставлены несколько коровьих позвонков. Грудь убитого была утыкана стрелами, и к ней привязаны два живых голубя. На носилках стоял на коленях мальчик в окровавленном белом саване. Он держался руками за голову и поминутно припадал к ногам убитого Хусейна. Толпы народа с рыданием следовали за этою святою ношей [12, с. 124].

Е. Бертельс видел в персидских городах много процессий с разными персонажами. Так, шел водонос с бурдюком, за ним несли носилки в форме саркофага, называемые гробницей Хусейна (Кабр-и Хусейн). Они были украшены драгоценными камнями и шелками, на саркофаге укреплен тюрбан, изображающий головной убор имама [6, с. 33].

Если суммировать приведенные выше описания носилок, то можно сделать вывод, что в Шуши на носилках несли гробницу Хусейна с лежащим рядом мертвым Касимом. С точки зрения визуальной антропологии рисунок Верещагина – образец наглядного варианта оформления ковчега / саркофага.

Продолжая описание процессии, Верещагин упоминал дервиша с цепями на шее и веревкой с камнем, военачальника халифа в шлеме и кольчуге. В его правой руке был красивый топорик, которым он совершал избиение имамов. За ним вели лошадь Хусейна в золотой сбруе и богато расшитом седле. Седло и вся лошадь были утыканы стрелами.

Муллы и актеры ехали в костюмах и в полном вооружении. Женщины и мужчины, конные и пешие шли за процессией густой толпой. Двери, окна, балконы домов и городская стена были усеяны народом.

Описание процессии В. Верещагиным сравнимо с рисунком В. Ходжабекяна на Ашуру: музыканты, акробаты-борцы, лошадь Хусейна, рыдающие женщины, голуби, воинство, толпа сочувствующих, зрители на балконе и в соседних домах. Можно сделать вывод, что организация мистерии в Тифлисе и Шуши имела много общего, хотя вместо саркофага Хусейна в Тифлисе несли на носилках чучело льва Али. Различие в том, что в процессии на Ашуру в Тифлисе главным персонажем, был Али, о чем свидетельствует также статья М. Горького.

Вернемся к завершению Мухаррама в Шуши. Мы упоминали, что процессия направлялась за город. На лугу устраивалось еще одно представление. Содержанием последней мистерии была битва молодого имама с врагами. Для большей торжественности в этот день приглашались русские полковые музыканты. За недостатком актеров роль убийц имамов играли донские казаки. Молодой имам всех их обращал в бегство. Казаки, представлявшие воинов Езида, должны были отступить. С окончанием представления оканчивались и все церемонии мистерии.

Приведенные нами описания в литературе мистерии Мохаррам в наши дни подверглись секуляризации. «Эта религиозная традиция смешалась с культурой. У шиитов разных народов проведение траурных мероприятий может немного отличаться. В Дагестане, в основном, в Дербенте и селении Мискинджа совершается оплакивание, побивание себя в грудь, проходит шествие под траурными знаменами. В Дербенте, в Джума-мечети происходит кульминация этих событий. Чтецы читают траурные оды на азербайджанском языке. Имам произносит проповедь. А вечером, верующие собираются и вспоминают события, связанные с пленением и убийством семьи Хусейна... В Дербенте, по улицам, ведущим к Джума-мечети, в течение этих 10 дней стоят шатры, где раздается еда, чай. Это тоже считается одним из благих дел»¹⁷. Отметим, что историческая реконструкция битвы в память о павших последователях Али постепенно приобретает более толерантные формы выражения.

Вместо заключения: как сложилась судьба ритуала Мухаррам

По свидетельству Верещагина: «До последних годов эти ночные собрания были запрещены правительством, потому что они часто вели к кровопролитиям, и вот в чем дело: в каждом татарском городе непременно есть партии, происхождение которых теряется в далеком прошлом: они сами не разъясняют себе как следует причину недоразумений между собою и перемешивают неурядицы своей истории с современными житейскими дрязгами и интригами дня» [12, с. 122].

¹⁷ Традиции Дня Ашура в мусульманском мире. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://kavtoday.ru/article/6314>

А. Крымский отмечал: «Русское правительство в последнее время принимает в Закавказье решительные меры против такого изуверства»¹⁸.

С. Марр писала, что мистерия Мухаррам имеет строго разработанный ритуал, но время внесло свои коррективы в сторону её секуляризации.

Проведение в Тбилиси в годы советской власти шиитских обрядов тоже было запрещено, хотя по свидетельству информантов, их справляли ещё в 20–40 гг. XX в. А в 1947 г. студент Тбилисской Академии художеств Григорий Абрамян (мой дядя) был исключен из Академии за то, что представил в качестве дипломной работы фрагмент из Шахсей-Вахсея, изобразив процессию бичующихся персов. К сожалению, прекрасная Джума-мечеть в 1951 г. была разрушена, а мистерия ещё ранее запрещена.

«В 80-е годы XX в. мусульмане разных регионов Советского Союза вдруг заговорили о своих «исламах». Как в кулинарной книге, замелькали названия «ислам по-казахски», «ислам по-татарски», «ислам по-дагестански», «ислам по-горски» и т.д.» [13, с. 8]. Это значит, Мухаррам продолжал отмечаться с национальными, а может и региональными, коррективами.

В 2004 и 2005 годах в Нардаране (Азербайджан) проводили Ашуру. «Верующие в центре площади рядами образовали две группы. Одна состояла из детей и подростков от 12 до 16 лет. Мужчины били себя цепями, ритмически нанося удары под песнопения и крики толпы. Время от времени участники церемонии впадали в неистовство, выкрикивая отчаяние от невозможности прийти на помощь Хусейну, и проклятия по адресу его убийц. Женщины исполняли траурные плачи-*мерсийе* по Хусейну и погибшим мученикам-шахидам. Одни в толпе подпевали им, другие ударяли себя в грудь, ритмически выкрикивая «Шах Хусейн! Йа Хусейн!» [14, с. 80–81].

Очень интересное воспоминание информанта – жительницы Нагорного Карабаха, опубликовала этнограф Нона Шахназарян: «Март 1953-го. Женя: «Когда Сталин умер, не знаю, что-то страшное творилось! Все искренне думали, что пришел конец света, все страшное творилось! Я помню этот день: армяне плакали, но как азербайджанцы плакали – это забыть невозможно.

Собрались они из окрестных сел: Амиранлара, Муганлу, Ходжавенда, Гарадаглу на крыльце перед почтой и громко плакали в голос. Женщины царапали в кровь свои лица, щеки и надрывно кричали: «Ша-а-ах-сей, Ва-а-ах-сей!» Мужчины стояли поодаль и кричали: «Ха-а-асан, Ху-у-усан!» и в отчаянии руками отбивали себе ляжки и колени. Вокруг висели красные советские флаги, прошитые вдоль по ширине черными лентами. Мужчины все с черными повязками на руке. Как тут было не плакать, как было не убиваться!» [15, с. 133].

Просмотр интернет-ресурса по поводу проведения Мухаррама в наши дни в Дагестане и в регионах постсоветского пространства показал типичную ситуацию: мужчины, в основном молодежь, выстраиваются в колонны. Идущий во главе, нараспев читает скорбные строки на азербайджанском языке. Остальные подпевают ему и в такт ударяют себя ладонью в грудь – так шииты выражают скорбь по имаму Хусейну. Некоторые ударяют себя небольшой плёткой, состоящей из металлических цепей в одной деревянной рукоятке...

Уже несколько лет по призыву Совета кази Духовного Управления мусульман Кавказа верующие, вместо самобичевания и самоистязания, принимают участие в кампании по сдаче крови больным талассемией. Для этой цели в течение дня в мечетях функционируют передвижные пункты переливания крови, организованные совместно с Министерством здравоохранения Азербайджана¹⁹.

Можно сделать вывод, что историческое событие «Поражение в Кербеле» не только не забыто, но как трагедия, стала одной из этнических характеристик мусульман-шиитов.

18 Крымский А. Мохаррам. Электронный ресурс. Доступно по ссылке: <https://www.booksite.ru/fulltext/1/001/007/069/69064.htm>

19 <https://www.calend.ru/holidays/o/o/555/50/>

Рис. 1. Масленичное представление Кейноба в Тифлисе [8, рис. 29]

Fig. 1. The Keinoba Shrovetide (Maslenitsa) performance in Tiflis [8, fig. 29]

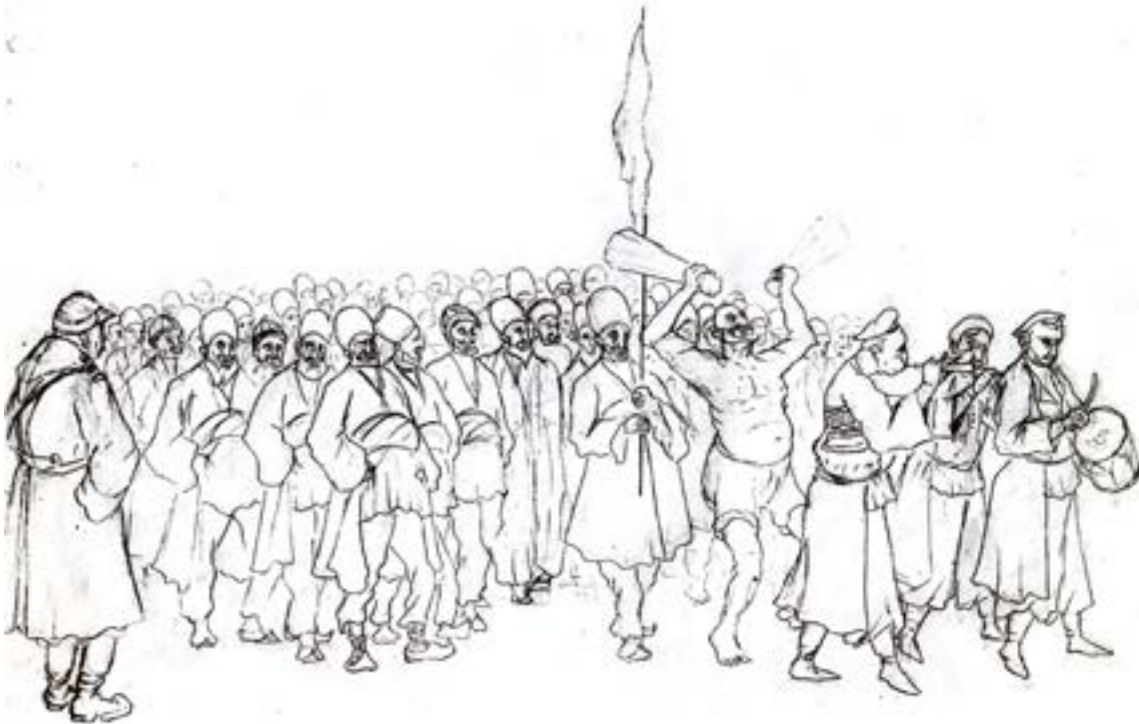

Рис. 2. Процессия на Шахсей-Вахсей – дæсте. Тифлисские музыканты в картузах [9, рис. 31].

Fig. 2. A Shahsei-Vahsei (daste) procession. Tiflis musicians wearing peaked caps (kartuz) [9, fig. 31]

Рис. 3. Процессия на Шахсей-Вахсей – дӑсте. Музыканты в войлочных шапках и в черкесках [9, рис. 30]

Fig. 3. A Shahsei-Vahsei (daste) procession. Musicians wearing felt hats and cherkeskas [9, fig. 30]

Рис. 4. Процессия на Мухаррам – дӑсте. Впереди знаменосец, за ним борец-пехлеван и городские музыканты [10, № 144].
Хранится в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни), папка № 45

Fig. 4. A Muharram (daste) procession. Led by a standard-bearer, followed by a pehlevan wrestler and town musicians [10, No. 144].
Held in the Tbilisi History Museum (also known as the Artsruni Caravanserai), folder No. 45

Рис. 5. Процессия из мистерии – та́зийяэ с бутафорским львом на носилках. [10, № 162].
Хранится в Музее истории Тбилиси (он же караван-сарай Арцруни), папка № 45

Fig. 5. A procession from a mystery play (ta'ziyeh) featuring a prop lion on a litter [10, No. 162]. Held in the Tbilisi History Museum (also known as the Artsruni Caravanserai), folder No. 45

Рис. 6. «Процессия религиозных фанатиков в Шуше». 1866 г. Хранится в Государственной Третьяковской Галерее. [2, рис. 2]

Fig. 6. "Procession of Religious Fanatics in Shusha." 1866. Held in the State Tretyakov Gallery [2, fig. 2]

Рис. 7. Режущийся (Добровольный мученик). [12, с. 123]

Fig. 7. A Self-Flaggelator (A Voluntary Martyr) [12, p. 123]

Рис. 8. Молодой имам, убитый. [12, с. 123]

Fig. 8. A Young Imam, Slain [12, p. 123]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Март С.М.* Мохаррам. Шиитские мистерии как пережиток древних Переднеазиатских культов // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. М.: Наука, 1970. С. 313–361.
2. *Лебедев А.К. В.В.* Верещагин. Москва-Ленинград: Искусство, 1939. – 80 с.
3. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М.: Наука, 1983. – 249 с.
4. *Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. М.: Наука, 1990. – 271 с.
5. *Путинцева Т.А.* Тысяча и один год арабского театра. М., 1977. – 312 с.
6. *Бертельс Е. Э.* Персидский театр. Восточный театр. Вып. 4, Ленинград: Академия, 1924. – 93 с.
7. *Березин И.* Путешествие по Северной Персии. Казань: Типография Губернского правления университетской, 1852. – 465 с.
8. *Рухадзе Дж.* Грузинский народный праздник. Тбилиси: «Сабчота Сакартвело», 1966. 83 с. (На груз.)
9. *Бадалян В.* Загадка Вано Ходжабекияна. Альбом-каталог. Ереван: «Edit Print», 2005. 145 с.
10. *Айвазян А., Бадалян И.С., Карапетян Г.С.* Вано Ходжабекияна (Альбом-каталог). Ереван: Государственная галерея Армении, Полиграф-комбинат, 1972. 27 с.
11. *Ареф М.А.* Народные театрализованные обряды региона Комиджан Ирана. Автореферат (на правах рукописи). Ереван: Институт археологии и этнографии АН Армении, 2008. 25 с. (На арм.)
12. *Верещагин В.В.* Повести. Очерки. Воспоминания, рассказы // Из путешествий по Закавказскому краю, Религиозное празднество мусульман- шиитов. М.: Советская Россия, 1990. С. 119–125.
13. *Бобровников В.О.* Этнография ислама на Кавказе // Этнографическое обозрение. № 2. 2006. С. 3–9.
14. *Балджи Б.* Судьбы шиизма в постсоветском Азербайджане 81 // Этнографическое обозрение. № 2. 2006. С. 75–87.
15. *Шахназарова Н.* Femina Sovietika, или Рутинка выживания по-кавказски // Вестник Европы, Москва: издательский центр «Вестник Евразии». 2005. № 4 (30). С. 119–160.

REFERENCES

1. Marr SM. Muharram. Shiite mysteries as a survival of ancient Near Eastern cults. *Traditional Culture of the Peoples of Near and Middle Asia*. Moscow: Nauka, 1970: 313-361. (In Russ)
2. Lebedev AK. V.V. *Vereshchagin*. Moscow-Leningrad: Iskusstvo, 1939. (In Russ)
3. Evliya Çelebi. *The Book of Travels. (Extracts from the work of the 17th-century Turkish traveler). Issue 3. Lands of Transcaucasia and adjacent regions of Asia Minor and Iran*. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ)
4. Anchabadze YuD., Volkova NG. *Old Tbilisi*. Moscow: Nauka, 1990. (In Russ)
5. Putintseva TA. *A thousand and one years of Arabic theater*. Moscow, 1977. (In Russ)
6. Bertels EE. *Persian theater. Eastern theater. Issue 4*. Leningrad: Akademiya, 1924.
7. Berezin I. *A journey through Northern Persia*. Kazan: Tipografiya Gubernskogo pravleniya universitetskay, 1852. (In Russ)
8. Rukhadze J. *Georgian folk holiday*. Tbilisi: Sabchota Sakartvelo, 1966. (In Georgian)
9. Badalyan V. *The riddle of Vano Khojabekyan. Album-catalog*. Yerevan: Edit Print, 2005. (In Russ)
9. Ayvazyan A., Badalyan I.S., Karapetyan G.S. *Vano Khojabekyan (Album-catalog)*. Yerevan: State Gallery of Armenia, Poligraf-kombinat, 1972. (In Russ)
10. Aref MA. *Folk theatrical rituals of the Komijan region of Iran*. Author's abstract of PhD thesis. Yerevan: Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS of Armenia, 2008. (In Arm)
11. Vereshchagin VV. *Novellas. Essays. Memoirs, stories. From travels in the Transcaucasian region, Religious celebration of Shiite Muslims*. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1990:119-125. (In Russ)
12. Bobrovnikov VO. *Ethnography of Islam in the Caucasus. Etnograficheskoe Obozrenie*. 2006; (2): 3-9. (In Russ)
13. Balci B. *The fates of Shiism in post-Soviet Azerbaijan. Etnograficheskoe Obozrenie*. 2006; (2): 75-87. (In Russ)
14. Shakhnazarova N. *Femina Sovietica, or the routine of survival Caucasian style. Vestnik Evropy*. Moscow: Publishing Center "Vestnik Evrazii", 2005; 30(4): 119-160. (In Russ)

Поступила в редакцию 25.07.2025
 Принята в печать 06.11.2025
 Опубликовано 30.06.2026

Received 25.07.2025
 Accepted 06.11.2025
 Published 30.06.2026